

После ужина в канун Нового года семья собралась вместе, чтобы провести ночь. Они зажгли две жаровни, но без телевизора или телефонов просто сидели и разговаривали, занимаясь мелкими делами. Дедушка Лю надел очки и начал перебирать лекарственные травы в мешочке, отсеивая некачественные экземпляры.

Мама Лю, пользуясь светом от жаровни, чистила арахис, который потом обжаривала с маслом и солью. Это были закуски, которые можно было предложить гостям, когда те придут с визитом в праздничные дни.

Папа Лю держал в руках эмалированную чашку с чаем, а Гу Яо, прислонившись к стулу, читал книгу. Что касается Лю Сычэня, он пристально смотрел на железную решетку над жаровней, на которой лежали арахис, ломтики батата и несколько диких каштанов, уже начавших издавать соблазнительный аромат. Лю Сычэнь, глядя на решетку, незаметно сглотнул слюну.

— Не трогай! — Гу Яо, словно у него на затылке были глаза, резко остановил Лю Сычэня, как только тот протянул руку за каштаном.

Он легонько отстранил его торопливую руку, взял пару палочек, лежащих рядом, и достал один раскрывшийся каштан, положив его в сторону.

— Горячо, подожди, остынет.

— Ой, — покорно кивнул Лю Сычэнь, надув губы и начав дуть на каштан.

— Маленький обжора, — с усмешкой сказал папа Лю, хотя сам тоже взял палочки и достал арахис.

После полуночи детей отправили спать. В постели лежали стеклянные бутылки с горячей водой, и каждый укрылся своим одеялом, а сверху накрылись еще одним толстым одеялом, создавая уютное тепло.

Родители Лю Сычэня вернулись позже, и они спали в комнате дедушки Лю. Лю Сычэнь спал беспокойно и боялся холода, поэтому каждое утро просыпался в постели Гу Яо, иногда даже забираясь к нему в объятия, чтобы согреться.

Сначала Гу Яо просыпался рано утром, чувствуя, как его придавливает, но теперь он уже привык и мог спокойно спать до рассвета, обнимая Лю Сычэня. Он даже считал, что его легкий сон стал глубже.

В первый день Нового года нужно было поздравлять старших. У семьи Лю не было родственников, поэтому они остались дома. Дети из деревни начали ходить по домам, поздравляя соседей, и за это получали семечки, арахис, а иногда даже солодковый сахар и арахисовую халву — лакомства, которые можно было попробовать только в праздники.

Черная Обезьяна и А-Хуа с маленьким Линьцзы рано утром пришли к Лю Сычэню и повели его с собой. В прошлые годы Лю Чансин тоже ходил с ними, но в этом году он поступил в среднюю школу и стеснялся идти с этой компанией малышей, поэтому остался дома, отправив только младшего брата.

Дети из деревни ходили по домам, их карманы были набиты угощениями, и везде звучали поздравления. Улыбки людей под красными новогодними украшениями выглядели особенно искренними. После поздравлений Лю Сычэнь позвал Лю Чансина и привел троих друзей к себе домой.

Гу Яо впервые встречал Новый год в деревне Люцзя, и Лю Сычэнь не хотел, чтобы он чувствовал себя одиноко, поэтому привел друзей, чтобы было веселее.

Лю Чансин мало общался с Гу Яо. Раньше, когда Гу Яо жил у его тети, он считал, что этот юноша не слишком дружелюбен, и никогда не пытался сблизиться с ним. Но позже, когда Лю Сычэнь стал все ближе к Гу Яо и даже пригласил его жить к себе, Лю Чансин начал незаметно наблюдать за ним. Он понял, что этот сверстник не такой холодный, как казалось. Он хорошо учился, был вежлив с учителями и одноклассниками, был городским жителем с хорошими манерами, что отличало его от деревенских детей, выросших в более простой обстановке.

Лю Чансин думал, что Гу Яо и Лю Сычэнь так хорошо ладят из-за их семейного фона. Родители Лю Сычэня были выпускниками университетов, работали на государственной службе, а его дедушка был старым врачом из Пекина. Лю Сычэнь с детства был умным, и это создавало особую связь между ним и Гу Яо, отличающую их от других детей в деревне Люцзя. Казалось, что их дружба была естественной, такой, какой и должна быть.

Наблюдая, как Лю Сычэнь тянет Гу Яо за новую одежду, вытаскивая его из комнаты, Лю Чансин улыбнулся. Они всегда баловали Лю Сычэня, и этот малыш привык к такому отношению.

Черная Обезьяна где-то раздобыл охапку маленьких петард, воткнул их в снег и поджег фитили. Петарды взрывались, разбрасывая снег во все стороны. Они также разобрали петарды, сложили порох в кучу и подожгли его, получив яркую вспышку огня. Это было любимое развлечение мальчишек.

Гу Яо впервые участвовал в таком, но тоже получил удовольствие. Он даже соревновался с Лю Чансином, заворачивая петарды в снежки и оставляя фитили снаружи, обернутыми сухими листьями. Кто бросит петарду выше, тот и выиграл. Это было настоящим испытанием — бросить слишком рано или слишком поздно означало проиграть. Они так увлеклись, что не могли определить победителя, а дети вокруг визжали от восторга.

На улице было холодно. Лю Сычэнь вытащил Гу Яо поиграть в снегу, но вскоре сам замерз и бросил друзей, чтобы вернуться в дом и прижаться к жаровне. Гу Яо, видя, что он не хочет выходить, взял несколько бататов и попросил их поджарить, чтобы потом угостить всех.

После того как у матери Черной Обезьяны родилась сестренка, все вкусности в доме доставались ей. Но в праздники он тоже ел неплохо, и его отец даже купил два цзиня мяса. Однако, когда запах жареного батата разнесся по дому, он не смог устоять и присоединился к Лю Сычэню.

Гу Яо и Лю Чансин поговорили о школе, а затем вместе с А-Хуа и Линьцзы тоже зашли в дом. Дедушка Лю принес им миску жареного арахиса с маслом и солью, и дети, получив по горсточке, начали есть, болтать и смеяться.

Первый день Нового года прошел спокойно, но Гу Яо чувствовал, что это был самый уютный праздник за последние несколько лет. Он был в новой одежде и обуви, окруженный веселыми и добродушными деревенскими ребятами, сидящими у жаровни. Не было фальшивой заботы мачехи, которая за его спиной жаловалась отцу, и не было холодных слов отца, который никогда не говорил с ним ласково.

Он даже чувствовал некоторую благодарность за то, что отец отправил его сюда, где он встретил Лю Сычэня, этого милого и доброго малыша.

Лю Чансин и другие дети остались на обед, а затем немного поиграли и разошлись по домам. На улице продолжали раздаваться звуки фейерверков, и атмосфера праздника не угасала.

— Эй, Гу Яо, я тебя спрашиваю! — Лю Сычэнь, видя, что он задумался, толкнул его в бедро.

— Как разговариваешь? Называй «брат», нельзя быть таким невежливым. — Мама Лю, взявшая иголку с ниткой, услышала слова сына и легонько шлепнула его по голове.

— Ладно, Гу Яо-гэ, о чем ты думаешь? — Лю Сычэнь надул губы, не смея спорить с матерью.

— Да так. А что ты спросил? — Гу Яо покачал головой, возвращаясь в реальности.

— Ну... тогда мама Лю Чанфэя сказала, что ты приехал лечиться. Но я с первого дня видел, что ты не болен, — Лю Сычэнь, воспользовавшись хорошей атмосферой, задал вопрос, который давно хотел задать.

Увидев, как Гу Яо слегка нахмурился, он тут же добавил:

— Я просто так спросил, если не хочешь говорить, ничего страшного. Я просто немного волнуюсь за тебя...

— Все в порядке, ничего секретного. — Гу Яо, видя его беспокойство, расслабился, и в уголках его губ появилась легкая улыбка. Его спокойные темные глаза наполнились теплом.

— А?! — Лю Сычэнь уставился на него. Такой Гу Яо выглядел действительно красиво. Его лицо, покрасневшее от жара жаровни, казалось более детским, а глаза, полные улыбки, делали его мягче.

— Дурачок, — Гу Яо, видя, как он смотрит на него, не удержался и ущипнул его за щеку.

— М-м... — Лю Сычэнь вытер слюну, внутренне ругая себя.

— Перед тем как приехать сюда, я действительно простудился и немного кашлял. — Гу Яо, поглаживая его голову, тихо сказал. — Я приехал сюда, потому что в нашем классе трое учеников заболели туберкулезом.

— А! — Лю Сычэнь тихо выдохнул, начиная понимать.

<http://bllate.org/book/16485/1498034>